

Научная статья
УДК 343.97
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-75-86

Илья Сергеевич Ильин

кандидат юридических наук, доцент
[https:// orcid.org/0000-0003-1362-0519](https://orcid.org/0000-0003-1362-0519), isilyin@yandex.ru

*Управление МВД России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга
Российская Федерация, 195176, Санкт-Петербург, ул. Краснодонская д. 14*

*Северо-Западный институт управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., д. 57/43*

Динамика и криминогенный потенциал протестных акций

Аннотация: Актуальность исследования. Современная действительность характеризуется ростом протестных настроений, которые рассматриваются как неотъемлемая часть общественного мнения. В связи с этим особое значение приобретает изучение основных показателей состояния и факторов социальной протестной активности.

Публичные мероприятия (с 2010 по 2021 год их было проведено более 637 тысяч) сами по себе не обладают повышенным криминогенным и деликтогенным потенциалом. Иную ситуацию демонстрируют несогласованные публичные мероприятия, изначально находящиеся вне рамок правового поля (их число в 2021 году возросло более чем в 6 раз по сравнению с 2010 годом – с 428 до 2736).

Методология. В процессе исследования применялись методы системного анализа, статистический, формально-логический.

Исследование позволило установить, что протестная активность и радикализация являются взаимообуславливающими явлениями, вызываемыми сходными детерминирующими факторами. Граждане, принимающие участие в несанкционированных мероприятиях, сознательно ставят себя в положение нарушителей установленного порядка, демонстрируя пренебрежение ценностью права, преодолевая сдерживающее воздействие закона.

Такая дефектность социально-психологических характеристик участников несогласованных публичных мероприятий создаёт специфический криминологический «фон»: на ограниченном пространстве аккумулируется группа граждан, для которых собственные интересы обладают более высоким значением по сравнению с интересами общества и ценностью правопорядка и которые готовы пренебречь общественными интересами ради достижения личных целей, что делает эту акцию изначально конфликтной, а следовательно, и потенциально опасной в криминогенном отношении.

Ключевые слова: протестная акция, последствия, динамика, предупреждение, преступление, общественная безопасность, личность, характеристика

Для цитирования: Ильин И. С. Динамика и криминогенный потенциал протестных акций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 75–86; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-75-86.

Илья С. Ильин

Cand. Sci. (jurid.), Docent
[https:// orcid.org/0000-0003-1362-0519](https://orcid.org/0000-0003-1362-0519), isilyin@yandex.ru

*Directorate of the MIA of Russia for the Krasnogvardeisky District Saint Petersburg
14, Krasnodonskaya str. Saint Petersburg, 195176, Russian Federation*

*North-Western Institute of Management – branch of the RANEP
under the President of the Russian Federation
57/43, Middle Avenue V. O., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation*

Dynamics and criminogenic potential of protest actions

Abstract: *The relevance of research.* Modern reality is characterized by the growth of protest moods, which are considered as an integral part of public opinion. In this regard, the study of the main indicators of the state and factors of social protest activity is of particular importance.

Public events (more than 637 thousand of them were held from 2010 to 2021) do not in themselves have an increased criminogenic and delictogenic potential. A different situation is demonstrated by uncoordinated public events that were initially outside the legal framework (their number in 2021 increased by more than 6 times compared to 2010 - from 428 to 2736).

Methodology. In the course of the study, methods of system analysis, statistical, formal-logical, were used.

The study established that protest activity and radicalization are interdependent phenomena caused by similar determinants. Citizens who take part in unauthorized events deliberately put themselves in the position of violators of the established order, demonstrating a disregard for the value of law, overcoming the deterrent effect of the law.

Such defectiveness of the socio-psychological characteristics of participants of uncoordinated public events creates a specific criminological “background”: in a limited space, a group of citizens accumulates, for whom their own interests are of higher importance than the interests of society and the value of the rule of law and who are ready to neglect public interests in order to achieve personal goals, which makes this action initially conflictual, and therefore potentially dangerous in terms of criminogenic.

Keywords: protest action, consequences, dynamics, warning, crime, public safety, personality, characteristics

For citation: Ilyin I. S. Dynamics and criminogenic potential of protest actions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 75–86; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-75-86.

Общим фоном, на котором разворачиваются исследуемые нами криминальные процессы, выступает общественная активность граждан в форме митингов, демонстраций, шествий, пикетирований, собраний (далее – публичных мероприятий).

Имеющиеся официальные данные (см. диаграмму 1) свидетельствуют, что за период с 2010 по 2021 год в стране было проведено более 637 тысяч публичных мероприятий разного вида и направленности¹.

При этом, однако, нет оснований говорить о том, что распределение этих мероприятий по годам подвержено какой-либо выраженной закономерности. Оно имеет волнообразную динамику с весьма сильной волатильностью, хотя и с нисходящим трендом.

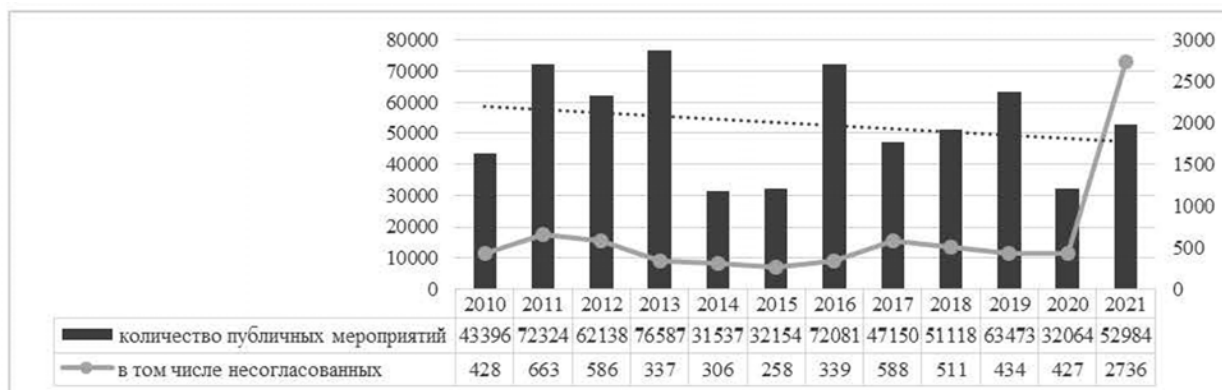
Иную динамику показывает линия несогласованных публичных мероприятий. Их число в 2021 году возросло более чем в 6 раз по сравнению с 2010 годом (с 428 до 2736). Вырос и удельный вес этой разновидности акций

¹ Используются статистические данные, полученные в рамках официальных запросов, в том числе ответ на запрос информации ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу

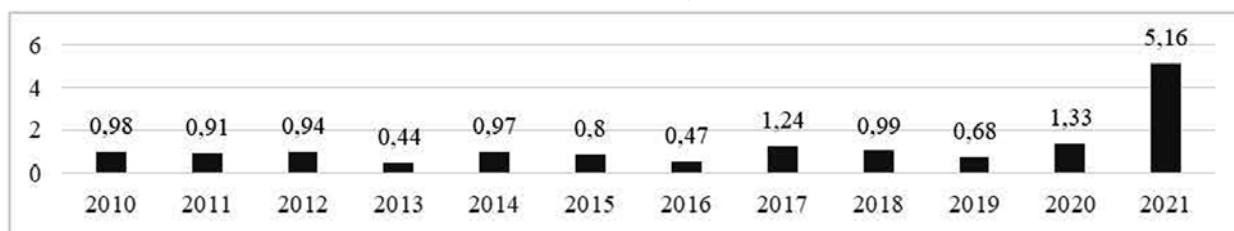
и Ленинградской области от 14 февраля 2022 г.; ответ на запрос информации ГУ МВД России по г. Москве от 8 ноября 2021 г.

Диаграмма 1

Динамика общего числа публичных мероприятий и несогласованных публичных мероприятий

Удельный вес несогласованных публичных мероприятий

в общем массиве публичных мероприятий (см. диаграмму 2).

Стоит обратить внимание, что существенный рост несогласованных акций наблюдается в 2020 и 2021 годах. И связан он, как представляется, не столько с объективным ростом общественной активности населения или ухудшением политической либо социально-экономической ситуации в стране, сколько с существенным изменением нормативной основы проведения публичных мероприятий и введёнными в этот период ограничениями на их организацию в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Полагаем, после снятия ограничений рассматриваемый показатель вернётся к своим обычным значениям: в течение 2010–2019 годов удельный вес несогласованных акций составлял в среднем 0,84 % от общего числа публичных мероприятий.

Отсутствие явно выраженной закономерности общего числа публичных мероприятий создаёт особый социальный фон для исследования и прогнозирования демонстративно-протестной преступности, ибо в каждый отдельный момент времени сложно предсказать на основании ранее полученной статистической информации, каким будет это число в следующем году, через год и т. д. Методы экстраполяции не работают ни для определения количества публичных мероприятий, ни для определения объёмов правонарушений, совершаемых во время их проведения. Это, конечно, не означает полного отсутствия закономерностей. Надо учитывать, что в массиве публичных мероприятий всегда будут присутствовать те, что приурочены к традиционным, значимым в общественном сознании датам и событиям: празднованию Дня Победы, Дня России, Праздника весны и труда, Дня народного единства и др. Они составляют некое «ядро» ежегодно проводимых публичных мероприятий, причём, как правило, ядро легальное. Вокруг него будут аккумулироваться мероприятия нерегулярные, но вполне прогнозируемые. Это те, что приурочены к запланированным или уже состоявшимся общественным событиям – выборам, голосованию, принятию тех или иных нормативных правовых актов, планируемым изменениям социальной или транспортной инфраструктуры и т. п. И, наконец, третий блок публичных мероприятий – наименее предсказуемый, но всегда вероятный: это мероприятия, как правило, инспирированные оппозиционно

настроенными общественно-политическими силами с сознательным формированием какого-либо триггера.

Анализ показывает, что именно две последние группы публичных мероприятий представляют для криминологов повышенный интерес, демонстрируя наиболее высокие показатели прежде всего общего числа несогласованных публичных акций.

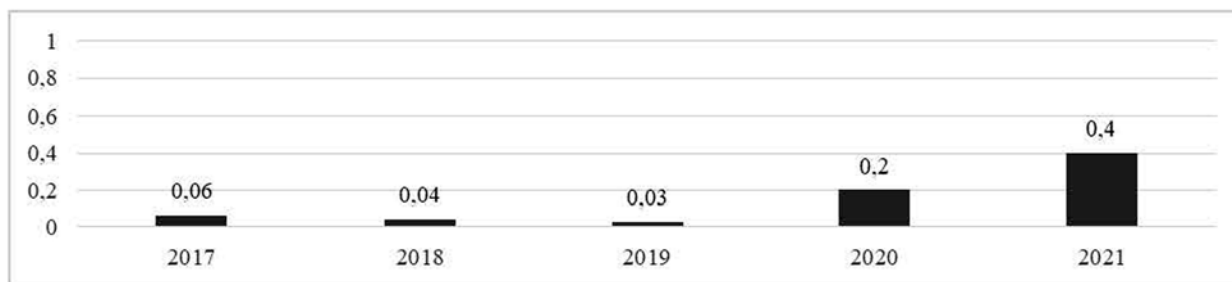
Сопоставление динамики удельного веса несогласованных акций с хронологией важнейших политических событий в стране доказывает наличие здесь определённой корреляции. Региональные выборы 2010 и 2014 годов, выборы депутатов Государственной Думы в 2011 году, выборы Президента в 2012 и 2018 годах, голосование по поправкам к Конституции в 2020 году сопровождалось заметным повышением удельного веса несогласованных акций.

Это обстоятельство заставляет обратить специальное внимание на мотивационный характер публичных мероприятий и их направленность – и в первую очередь на динамику публичных акций, которые проходят с политическими требованиями. В связи с изменением в 2016 году форм статистического наблюдения представить сопоставимые данные за весь период наблюдения с 2010 по 2021 год не представляется возможным (до 2016 года число политически мотивированных акций выделялось в общем числе публичных мероприятий, а с 2017 года – в числе протестных акций). Тем не менее обратим внимание, что с 2010 по 2016 год число всех публичных мероприятий с политическими требованиями сократилось с 2149 до 863 (удельный вес соответственно снизился с 5,0 % до 1,1 %). Однако с 2017 года число только протестных акций с политическими требованиями возросло с 2442 до 3112 в 2021 году. За это же время число протестных акций с социально-экономическими требованиями сократилось с 3917 до 1612.

Рост объёмов публичных мероприятий с политической мотивацией происходит на фоне отмеченного увеличения числа несогласованных публичных мероприятий. Этот факт заставляет выяснить соотношение мотивации публичного мероприятия и формы (легальной или нелегальной) его проведения.

После корректировки в 2016 году формы статистической отчётности органов внутренних дел («Общие сведения о состоянии оперативной

Отношение несогласованных акций к протестным

обстановки в Российской Федерации» – Форма «565»)² наряду с контролем общего числа публичных мероприятий и числа несогласованных мероприятий введено отдельное наблюдение за числом протестных акций.

Согласно Методическим рекомендациям по заполнению этой формы «несогласованные мероприятия – это публичные мероприятия, проводимые с нарушением установленного действующим законодательством порядка их организации либо проведения, а протестная акция – публичное общественно-политическое действие, ставящее перед собой цель привлечь к определённой проблеме внимание властей, общественности, СМИ, либо выразить своё недовольство, несогласие с совершёнными или планируемыми действиями (принятыми решениями, их проектами), либо бездействием органов власти, организаций или отдельных лиц.

Протестная акция, таким образом, не обязательно является несогласованным мероприятием. Она обособляется в статистических формах, исходя из цели и направленности. В то же время несогласованное мероприятие не обязательно является протестным. Оно обособляется по формальным критериям наличия или отсутствия факта согласования. Отдельного наблюде-

ния именно за несогласованными протестными акциями Форма № 565 не предусматривает, что можно отнести к числу её недостатков и что позволяет уже в первом приближении высказать предложение о её корректировке с тем, чтобы несогласованные протестные публичные мероприятия признать отдельным, самостоятельным объектом статистического наблюдения.

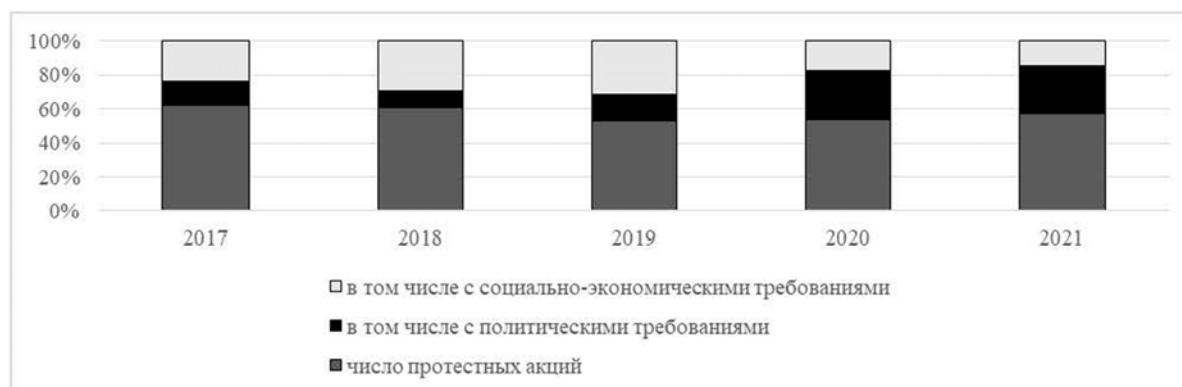
В восполнение этого существующего недостатка, исходя из имеющихся данных, полагаем возможным сопоставить два анализируемых показателя (о несогласованных акциях и о протестных акциях) с тем, чтобы определить их возможное соответствие. В качестве условного показателя их сопряжённости возьмём коэффициент, отражающий отношение числа несогласованных акций к числу протестных (см. диаграмму 3). Чем ближе этот коэффициент к 1, тем теснее связь, тем большее число несогласованных акций является протестными, и наоборот.

Как видим, в 2020–2021 годах значение коэффициента сопряжённости имело выраженный восходящий тренд и было максимальным за пятилетний период наблюдения. Это позволяет говорить о том, что в 2021 году большая часть несогласованных акций носила именно протестный характер.

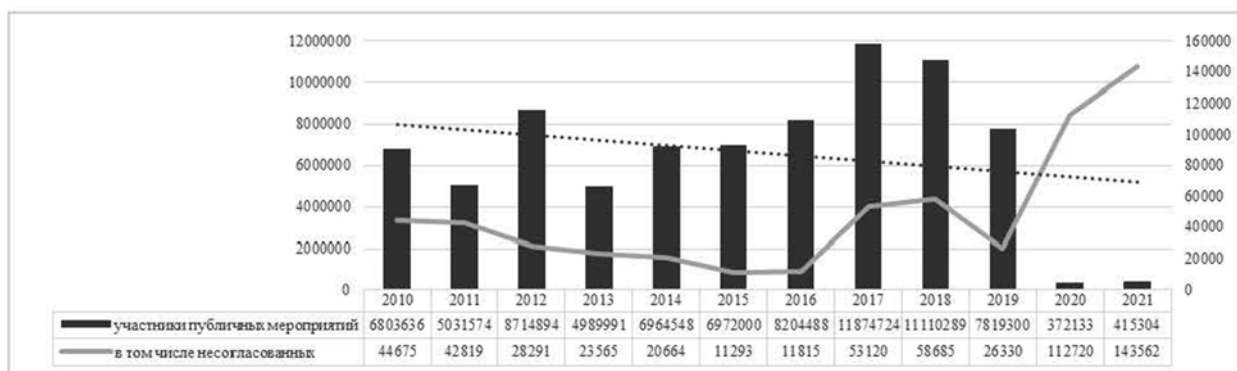
Детальное статистическое исследование мотивации протестных публичных мероприятий (см. диаграмму 4) позволяет установить также, что он стал все более политически окрашенным.

² Об утверждении формы статистической отчетности. Общие сведения о состоянии оперативной обстановки в Российской Федерации : приказ МВД России № 471 от 15 мая 2016 г. – Форма «565» (взамен утративших силу приказа МВД России № 466 от 22 июня 2009 г. и приказа МВД России № 53 от 30 января 2013 г.).

Мотивация протестных акций

Количество лиц, принявших участие в публичных мероприятиях

Удельный вес политически мотивированных протестных акций вырос с 23,5 % до 48,7 %, в то время как доля протестов с социально-экономическими требованиями сократилась с 37,8 % до 25,2 %.

Дифференциация публичных мероприятий по признакам формы и мотивации является отправной точкой для исследования криминографии демонстративно-протестной преступности и прежде всего в исследовании показателей деликтной и криминальной активности участников публичных мероприятий [1–4].

Анализ показывает, что число участников публичных мероприятий в целом подтверждает тенденции, отмеченные при анализе общего числа самих мероприятий (см. диаграмму 5).

Нисходящий тренд показателей общей численности участников здесь отчётливо противопоставлен острому подъёму числа участников несогласованных публичных акций в последние два года; заметна также корреляция между ростом численности участников публичных мероприятий и важными политическими событиями, происходившими в стране.

Интересно также заметить, что в 2020–2021 годах существенным образом изменился коэффициент массовости несогласованных публичных мероприятий. Под этим коэффициентом нами понимается среднее число участников одного мероприятия (образуемое путём деления числа всех участников на число всех меропри-

ятий определённого вида). С 2010 по 2019 годы коэффициент массовости несогласованных публичных мероприятий был стабильно ниже общего коэффициента массовости всех публичных мероприятий, тогда как в 2020–2021 годах ситуация принципиально изменилась (см. диаграмму 6).

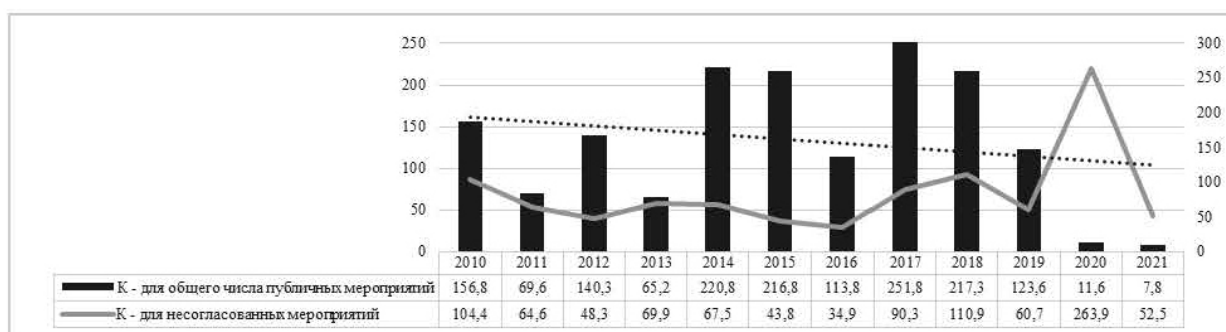
Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что массовость несогласованных публичных мероприятий существенно ниже показателя массовости всех мероприятий, а резкое увеличение данного показателя в 2020–2021 годах связано исключительно с изменением порядка проведения публичных мероприятий в условиях пандемии (когда практически все публичные мероприятия были запрещены).

Такое положение вещей объясняется не столько непривлекательностью несогласованных мероприятий, сколько специфическими формами их проведения. Согласно данным за 2017–2021 годы, 79 % всех протестных акций имели форму пикетирования, то есть изначально не предполагающую большого числа участников. На массовые формы протестных публичных мероприятий приходится соответственно 21 %, в том числе 17 % – на митинги.

Форма проведения публичного мероприятия и масштабы его массовости оказывают прямое влияние на правонарушающее поведение, создавая потенциально разные условия и разные ситуации для противоправной деятельности.

Диаграмма 6

Коэффициент массовости публичных мероприятий

Количество лиц, задержанных во время проведения публичных мероприятий

Имеющиеся данные свидетельствуют в частности, что количество лиц, задержанных сотрудниками органов правопорядка во время проведения публичных акций, напрямую определяется видом этих акций. В период 2010–2021 годов общий тренд задержаний на публичных мероприятиях рос. Если в 2010 году были задержаны 5028 человек, то в 2021 году – уже 21734 (см. диаграмму 7).

Удельный вес задержанных от общего числа всех участников всех публичных мероприятий составил в 2010 году – 0,07 %, в 2021 году – 5,23 %. Как видим, 2021 год заметно выделя-

ется из общего ряда. Объяснение этому опять же видится в том, что это был особый, «пандемийный» год, когда проведение публичных мероприятий было практически полностью блокировано санитарными требованиями. В целом же, если не брать во внимание эту флуктуацию, объём задержаний при проведении публичных мероприятий является крайне небольшим.

Вместе с тем, если дифференцированно определить удельный вес задержанных при проведении несогласованных и протестных акций, данные будут принципиально иными (см. таблицу 1).

Таблица 1

Удельный вес задержанных лиц от общего числа участников публичного мероприятия в зависимости от его вида

	Все мероприятия	Несогласованные мероприятия	Протестные акции		
			все	с политическими требованиями	с социально-экономическими требованиями
2017	0,05	10,1	0,8	1,0	0,2
2018	0,04	5,1	0,4	1,3	0,1
2019	0,06	14,9	0,8	3,4	0,3
2020	0,66	1,8	0,8	0,6	1,0
2021	5,23	14,8	9,3	11,1	0,8

Как наглядно представлено в таблице, объём задержаний на несогласованных акциях закономерно выше, чем в среднем при проведении публичных мероприятий. Эта закономерность предопределена изначально внеправовым характером несогласованной публичной акции, в силу чего едва ли не все её участники выступают в роли правонарушителей или лиц, злоупотребляющих правом на свободу мирных собраний и свободу выражения мнения.

Заметим также, что удельный вес задержаний на протестных акциях (хотя он и выше, чем в среднем по всем публичным мероприятиям) несопоставим с удельным весом задержаний на

несогласованных акциях. Это, с одной стороны, объясняется тем, что протестные акции в принципе вполне могут быть и согласованы (по большей части), а с другой стороны, даёт основание опровергнуть расхожее (особенно в средствах массовой информации) мнение о том, что протестные акции всегда жёстко пресекаются с массированным задержанием участников. Протест, когда он мирный и легальный, сам по себе не создаёт оснований для применения мер полицейского сдерживания и административных ограничений.

В то же время отметим в качестве значимого наблюдения, что удельный вес лиц, задержан-

Удельный вес и число привлечённых к административной ответственности, в общем числе лиц, задержанных при проведении публичных мероприятий

ных при проведении протестных акций с политическими требованиями, в целом стабильно более высок, чем доля задержанных участников протестов с социально-экономическими требованиями.

На протяжении всего периода наблюдения остаётся относительно стабильным удельный вес лиц, привлечённых к административной ответственности, в общем числе задержанных при проведении публичного мероприятия граждан. Он колеблется в пределах 65–80 % (см. диаграмму 8).

Вместе с тем, дифференцированный анализ объёмов административной деликтности в зависимости от вида публичного мероприятия подтверждает высказанные соображения о различной степени их деликтогенности (см. таблицу 2).

Наиболее неблагоприятными с точки зрения объёмов выявленных правонарушителей являются, как и ожидалось, несогласованные мероприятия и протестные акции с политическими требованиями.

Важное наблюдение даёт сопоставление общего массива лиц, привлечённых к административной ответственности во время проведения публичного мероприятия, с массивом лиц, привлечённых к ответственности во время проведения несогласованных мероприятий и протестных акций. Расчёты показывают, что

число лиц, привлечённых к административной ответственности во время проведения несогласованных акций, составляет в среднем за период 2017–2021 годов 92,4 % от общего массива лиц, привлечённых к административной ответственности во время публичных акций; число лиц, привлечённых к административной ответственности во время проведения протестных акций, меньше и составляет 62,5 %.

Эти закономерности подтверждаются и анализом показателей удельного веса лиц, привлечённых к уголовной ответственности за деяния, совершённые во время публичных мероприятий. Масштабы здесь, конечно, несопоставимы с показателями административной деликтности. За период 2010–2021 годов число лиц, привлечённых к уголовной ответственности, составило всего 113 человек, что в процентном отношении к общему числу участников всех публичных мероприятий крайне незначительно, на уровне статистической погрешности.

Тем не менее анализ показывает, что 99,0 % всех привлечённых к уголовной ответственности составили участники именно несогласованных публичных мероприятий; на долю участников протестных акций с политическими требованиями приходится 42,5 % привлечённых к уголовной ответственности, на долю протестующих с социально-экономическими требованиями – 28,9 %.

Таблица 2

Удельный вес привлечённых к административной ответственности от общего числа участников публичного мероприятия в зависимости от его вида

	Все мероприятия	Несогласованные мероприятия	Протестные акции		
			все	с политическими требованиями	с социально-экономическими требованиями
2017	0,04	8,3	0,7	0,8	0,1
2018	0,03	4,1	0,4	1,2	0,1
2019	0,05	14,2	0,7	3,2	0,2
2020	0,6	1,5	0,7	0,5	0,9
2021	4,6	13,0	8,0	9,7	0,7

Заметим также, что количество лиц, привлечённых к административной или уголовной ответственности, находится в зависимости и от формы проведения протестной акции.

В массе участников протестных собраний и демонстраций удельный вес лиц, привлечённых к административной ответственности, составляет в среднем 0,4 %, в массе участников протестных митингов – 0,9 %, пикетирований – 1,3 %, шествий – 1,6 %, среди участников мероприятий, сочетающих различные формы, – 3,2%. Объяснение таких весьма существенных расхождений видится в сочетании нескольких факторов: массовость, наличие факта передвижения, соблюдение заранее запланированной формы мероприятия. Среди участников протестных пикетирований объём привлечённых к административной ответственности выше, чем среди участников митингов, поскольку отсутствие массового, масштабного характера акции обеспечивает лучший контроль и выявляемость правонарушителей. Среди участников протестных собраний он ниже, чем среди участников митингов и шествий, поскольку само мероприятие строго ограничено в пространстве. Среди участников протестных митингов и шествий он ниже, чем среди участников сочетанных форм публичных мероприятий, поскольку граждане соблюдают заранее предустановленные и согласованные маршруты движения. Но как только и если протестная акция в процессе её развития меняет форму (с пикетирования на демонстрацию, с собрания на шествие и т. д.), как только возникает неорганизованное, стихийное, неуправляемое и неконтролируемое движение граждан, вероятность совершения административных правонарушений, а как следствие, и удельный вес привлечённых к административной ответственности участников мероприятия существенно возрастает.

Что касается преступной деятельности, то 94,9 % от общего числа лиц, привлечённых к уголовной ответственности во время проведения протестных акций, составили участники митингов. Это объясняется, по-видимому, массовостью мероприятия и его особым, наиболее ярко выраженным идеологическим настроением, поскольку митинг по определению есть выражение общественного мнения по поводу наиболее актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера.

Статистическая информация о повышенной деликтогенной и криминогенной опасности несогласованных публичных акций достоверно подтверждается и результатами анализа экспертного мнения³. Согласно проведённому опросу сотрудников правоохранительных органов, в среднем 78,3 % респондентов убеждены, что участники несогласованных с органами власти публичных акций в большей степени, нежели иные лица, склонны к совершению проти-

воправных деяний во время проведения таких мероприятий (и хотя этот показатель варьируется в зависимости от региона опроса – от 57,4 % в Московской области до 96,0 % в Республике Крым, в целом он подтверждает устойчивое и согласованное мнение экспертов). Представляют интерес и данные ответа на вопрос о том, как бы эксперты оценили в процентах риск совершения участниками несогласованных акций противоправных деяний. 23,1 % оценили такой риск в 50 %, а более половины (52,2 %) посчитали, что такая вероятность превышает 50 %. Здесь региональные различия в ответах особенно заметны и связаны, как представляется, с имеющимся в регионах опытом реагирования на несогласованные и протестные акции. Так, в Хабаровском и Приморском краях, в Москве и Республике Крым, где наблюдался высокий уровень протестной активности, эксперты оценивают криминогенность несогласованных акций как более вероятную.

Изложенное позволяет сделать несколько важных промежуточных выводов, значимых для продолжения настоящего исследования.

1. Публичные мероприятия сами по себе не обладают повышенным криминогенным и деликтогенным потенциалом. Представляя собой реализацию гражданами их конституционных прав и свобод, в основной своей массе эти мероприятия используются для выражения единства, сплочённости нации, для демонстрации уважения к памятным датам и общественно значимым событиям. Они проникнуты духом солидарности и объединяют политически и социально активных граждан, не склонных к деструктивной деятельности. Даже в тех случаях, когда публичное мероприятие являет собой протестную акцию, то есть используется для выражения несогласия с официальным, властным решением того или иного политически или общественно значимого вопроса, такая акция изначально не несёт в себе высокого криминогенного заряда.

2. Качественно иную ситуацию демонстрируют публичные мероприятия, проведение которых не согласовано с властными органами. Отсутствие факта согласования изначально выводит публичное мероприятие за рамки правового поля. Граждане, принимающие в нём участие, сознательно игнорируют это обстоятельство и столь же сознательно и самостоятельно ставят себя в положение нарушителей установленного порядка, игнорируя не только распоряжение официальной власти, но и ценность права, преодолевая упреждающее, сдерживающее воздействие закона. Неуважение к закону и поощрение такого неуважения справедливо признаётся одним из наиболее тревожных аспектов движения за гражданские права [5, с.785–803].

В связи с этим уместно вспомнить интересные рассуждения криминологов о наличии антикриминальных барьеров, которые преодолевает лицо, совершающее преступление. М. М. Бабаев и М. С. Крутер пишут: «Среди ряда барьеров, которые люди так или иначе должны

³ Итоги экспертного опроса, проведённого И. С. Ильиным на базе 14 субъектов Российской Федерации.

преодолеть на своём пути к преступлению, есть три, на наш взгляд, самых главных: их воздвигает нравственность (этика), культура, право. Неслучаен и порядок их перечисления по степени важности. ... Можно, наверняка, спорить о том, какой из этих барьеров первый, какой более высок. Главное в другом: нравственная и правовая культура, если они настоящие, несомненно способны увести человека с неправильного пути. Что же касается права, то его запреты, как мы уже сказали, есть последний, хотя и, конечно же, очень важный бастион. Но, как представляется, его важности, к сожалению, более скромны» [6, с. 185–186].

Если в нашей ситуации граждане преодолевают этот «последний барьер» – барьер права и закона, значит, можно уверенно говорить о том, что барьеры более высокого порядка – барьеры нравственности и культуры – не оказали сдерживающего эффекта, не смогли выступить препятствием на пути участия в неправовых акциях. Это обстоятельство привносит важный аспект в обсуждение личностных, социально-психологических характеристик участников несогласованных публичных мероприятий.

С одной стороны, можно, конечно, рассуждать о том, что такие граждане являют собой наиболее активную в общественно-политическом отношении часть населения страны, можно предположить благородство их намерений заявить протест и высказать свою позицию. Но с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов принципиально важную характеристику таких лиц: для реализации своих устремлений они сознательно избирают путь, нарушающий требования правовых норм. Отстаивая ценность права на свободу выражения мнений и свободу собраний, они по сути попирают ценность права как такового, игнорируют свойство прав выражать оптимальный баланс интересов всех участников всех общественных отношений.

С. А. Левицкий писал: «Совершённый моим “я” акт выбора руководящей ценности влечёт за собой не один “анатомический” поступок, а целую серию поступков, в которой каждое звено цепи психической причинности вытекает одно из другого» [7, с. 345]. Раз выбрав неправовой путь отстаивания собственных интересов, участники несогласованных акций едва ли не автоматически предопределяют вектор своего дальнейшего поведения, заранее устраняя барьеры права и культуры на пути криминальной деятельности.

Такая дефектность социально-психологических характеристик участников несогласованных публичных мероприятий создаёт специфический криминологический «фон»: на ограниченном пространстве аккумулируется группа граждан, для которых собственные интересы обладают более высоким значением по сравнению с интересами общества и ценностью правопорядка и которые готовы пренебречь общественными интересами ради достижения личных целей. Изначально присутствующий в несогласованной публичной акции элемент

противопоставления личных и общественных интересов делает эту акцию конфликтной, а следовательно, и потенциально опасной в криминальном отношении.

3. В общем массиве несогласованных публичных мероприятий отдельного внимания заслуживают несогласованные протестные акции. Важно при этом обратить внимание на содержание самого протеста. Он, как представляется, может быть весьма различным. Речь идёт не только и не столько о различии политических и социально-экономических требований протестующих граждан. Речь – о направленности протеста. Развивая идеи С. А. Левицкого о дифференциации свободы на отрицательную («от» чего-либо) и положительную («ради» чего-то), можно утверждать, что и протест как высшая форма демонстрации свободы в общественном пространстве может быть «позитивным» и «негативным».

Позитивный протест проникнут не просто несогласием с чем-либо, он призван утвердить некие положительные ценности и побуждать к конструктивным решениям, он всегда конкретен и чётко артикулирован. Такова, к примеру, протестная акция в форме митинга, состоявшаяся 7 ноября 2016 г. в Санкт-Петербурге, ориентированная на то, чтобы привлечь внимание государственной и районной власти к неудовлетворительному состоянию дополнительного образования для детей в Тосненском районе в сфере детского технического творчества, содержащая требования к органам исполнительной власти решить вопрос по капитальному ремонту здания Дома юного техника. Аналогично собрание граждан, состоявшееся 26 декабря 2020 г. с целью привлечения внимания СМИ, муниципальных властей и жителей к проблеме расширения мусорного полигона «Северная Самарка» и т. д.

Негативный протест, как правило, не конкретизирован в требованиях и направлен не столько на утверждение, сколько на отрицание существующего порядка вещей, на отмену принятых в установленном порядке решений. Он в большей степени демонстрирует негативное эмоциональное отношение участников к текущей ситуации и не направлен на предметный конструктивный диалог протестующих с властью. К примеру, к этому разряду событий можно отнести серию из восьми одиночных пикетов, состоявшихся в Санкт-Петербурге 3 октября 2020 г., участники которых выступали под лозунгами: «В моей смерти прошу винить Российскую Федерацию», «Путинский режим убивает!», «Отпустите полицейских на дачи. Хватит посылать их к людям с плакатами» и т. п.

Полагаем очевидным, что подчёркнуто негативный протест в социально-психологическом отношении более разрушителен, а криминологическом – более опасен⁴ [9]. Отсутствие

⁴ Это обстоятельство признают и социологи. В. Потуремский отмечает, в частности, что у современной оппозиции нет конструктивной повестки, её представители

созидательной идеи у протестующих рождает, если допустимо так выразиться, «бунтарский дух» участников публичной акции, мотивируя их исключительно на разрушение всего, что им противостоит – от идеологических ценностей до окружающих предметов материального мира (транспорта, витрин, дорог и пр.) и людей, пытающихся противостоять деструкции.

4. И, наконец, ещё одно замечание общего порядка, характеризующее негативный несанкционированный протест. Содержательная мотивация протеста – политическая либо социально-экономическая – вносит свой вклад в характеристику криминогенного потенциала публичного мероприятия. Анализ убедительно свидетельствует, что несогласованные акции с политическими требованиями всегда более разрушительны по сравнению с акциями социально-экономическими. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, линии социально-экономического и политического протеста не всегда и не обязательно совпадают. В отсутствие такого совпадения, когда социально-экономический протест лишён политической подоплёки (например, протесты против повышения тарифов ЖКХ), он обладает существенным интегративным свойством, обеспечивая сплочение как самих участников протеста, так и протестующих с внешним окружением, включая силы правопорядка. Во-вторых, в силу этого сугубо социально-экономический протест воспринимается общественным сознанием как одобряемая акция, которая, кстати, совершенно особым образом освещается средствами массо-

вой информации, по преимуществу в спокойных и неосуждаемых тонах. В-третьих, такой протест, как правило, в большей степени созидателен и потому находит лучший отклик у представителей власти и администрации, к которой он, собственно, и обращён. Иное дело протесты сугубо политические. Они имеют подчёркнуто идеологическое содержание, а разделение и противостояние по идеологическому принципу, как известно, всегда более агрессивно.

На основании сказанного можно провести градацию публичных мероприятий по степени их потенциальной криминогенности и деликтогенности. Ранжирование в данном случае имеет лестничный характер, где на первой ступени расположен общий массив всех публичных мероприятий, затем – протестные акции (и прежде всего политически мотивированные), затем – несогласованные акции, а на самой вершине лестницы – несогласованные политически мотивированные публичные мероприятия. Именно они обладают наивысшим потенциалом криминогенной опасности и в силу этого должны стать объектом пристального наблюдения как исследователей-криминологов, так и практических сотрудников правоохранительных органов. Такие мероприятия сочетают в себе негативную разрушительную мотивацию, идеологическое противостояние и заведомо неправовую форму, что в совокупности образует уникальный сплав характеристик, располагающих к противоправным действиям, в социально-психологическом отношении способствующим им и облегчающим их совершение.

Наглядным подтверждением выявленных закономерностей могут служить данные, отражающие противоправную активность участников публичных мероприятий. Опрошенные при проведении исследования эксперты в основной массе полагают, что к противоправной деятельности склонна большая часть участников несогласованных акций: 22 % при ответе на вопрос «Многие ли участники несогласованных пу-

не пытаются договариваться, созидать, исправлять. «Это сродни современному акционизму, то есть способ самовыражения и достижения эмоциональной реакции», – полагает эксперт. Он не исключает, что такое поведение оппозиции повышает вероятность радикализации протестов. «Если мы не понимаем, что мы хотим сказать, то это диссонансное состояние может перетечь в радикализацию. И это вызывает сильную тревогу и напряжение».

Таблица 3

Коэффициенты противоправной активности (2021)

Вид мероприятий	Удельный вес задержанных от общего числа участников	Удельный вес от числа задержанных лиц привлечённых к ответственности:		Коэффициент активности (на 10 тыс человек)	
		Административной	Уголовной	Административно-деликтной	Криминальной
Все публичные мероприятия	5,4	87,7	0,2	477,3	1,15
Несогласованные	15,4	88,1	0,2	1359,2	3,3
Протестные акции (все)	9,7	85,7	0,3	832,6	3,13
Протест с политическими требованиями	11,8	87,3	0,4	1026,6	4,3
Протест с соц.-эконом. требованиями	0,8	85,7	0,0	68,0	0,0

бличных акций, по Вашему мнению, совершают противоправные деяния?» предпочли ответ «большинство» и еще 35,8 % – ответ «примерно половина»; только 6,5 % опрошенных считает, что противоправной деятельностью занимается «крайне незначительное меньшинство» участников несогласованных акций.

Дополняют и уточняют эти оценки показатели коэффициентов противоправной активности участников различных публичных мероприятий (табл. 4).

Для расчёта здесь использованы данные за 2021 год, когда было выявлено наибольшее за все время наблюдения число лиц, привлечённых к уголовной ответственности. Анализ убедительно свидетельствует, что коэффициент административно-деликтной и криминальной активности в разы выше именно на несогласованных и политически мотивированных протестных акциях по сравнению с показателями этой же активности в общем массиве всех публичных мероприятий. Коэффициент административно-деликтной активности наиболее высок при проведении несогласованных акций (что вполне объясняется, кроме прочего, самим характером таких акций, едва ли не все участники которых могут быть признаны нарушителями административного запрета), а наиболее высокий коэффициент криминальной активности – у протестных акций с политическими требованиями.

Список литературы

1. Аюшеева Д. А. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // Управленческое консультирование. – 2019. – № 6 (126) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-molodezhi-v-protestnyh-aktsiyah-v-sovremennoy-rossii-kak-sposob-samoidentichnosti> (дата обращения: 16.01.2023).
2. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. – 2019. – № 3 (108) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/youtube-kak-faktor-formirovaniya-protestnogo-potentsiala-molodezhi> (дата обращения: 16.01.2023).
3. Дементьева И. Н. Протестные настроения жителей региона как проявление деструктивных форм гражданской активности // Society and Security Insights. – 2020. – № 2 [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnye-nastroeniya-zhiteley-regiona-kak-proyavlenie-destruktivnyh-form-grazhdanskoj-aktivnosti> (дата обращения: 16.01.2023).
4. Пономарев Н. А., Белов С. И., Майлис А. А. Противодействие росту вовлечённости молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 67 [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rostu-vovlechenosti-molodezhi-v-radikalnyu-politicheskiy-protest-na-materialah-massovyh-vystupleniy-2017-g> (дата обращения: 16.01.2023).
5. Marshall B. The Protest Movement and the Law. Virginia Law Review. – 1965. – Vol. 51. – № 5. – P. 785–803.
6. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодёжная преступность. – Москва: Юрист, 2006. – 381 с. С. 185–186.
7. Левицкий С. А. Трагедия свободы (1958) // Трагедия свободы. Избранные произведения. – Москва: Астрель, 2008. – С. 345.
8. Савенков Р. В., Сотников А. И. Стратегия и тактика действий региональных и муниципальных властей в период локальных акций общественного протеста (пример Воронежской области 2016–2018 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 76. [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-taktika-deystviy-regionalnyh-i-munitsipalnyh-vlastey-v-period-lokalnyh-aktsiy-obschestvennogo-protesta-primer-voronezhskoy> (дата обращения: 16.01.2023).
9. Рожкова Е. Далеко не школата. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян [Электронный ресурс] // Kommersant.ru: сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 03.04.2022).
10. Ильин И. С. Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Юнити-Дана», 2022. – 208 с.
11. Петросяниц Д. В., Юшков И. В. Анализ-прогноз возможной динамики социально-политических предпочтений российской студенческой молодежи в 2018–2024 гг. // РППЭ. – 2018. – № 11 (97) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prognoz-vozmozhnoy-dinamiki-sotsialno-politicheskikh-predpochteniy-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-v-2018-2024-gg> (дата обращения: 16.01.2023).
12. Назаров М. М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 47–59. 54 с.
13. Гусейнов А. Ш. Негативный потенциал протеста: психологический анализ // Армия и общество: Научно-информационный журнал. – 2013. – № 1 (33). – С. 169–175.
14. Чеботарева И. В., Мрочко Л. В., Пирогова Л. И. Причины и особенности протестных настроений в молодежной среде // ЭСГИ. – 2019. – № 3 (23) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-osobennosti-protestnyh-nastroeniy-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 16.01.2023).

15. Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Жуков П. С. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 1 [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-dinamika-protestnoy-aktivnosti-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 16.01.2023).

References

1. Ayusheyeva D. A. Uchastie molodozhi v protestnykh aktsiyakh v sovremennoy Rossii kak sposob samoidentichnosti // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2019. – № 6 (126) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-molodezhi-v-protestnykh-aktsiyakh-v-sovremennoy-rossii-kak-sposob-samoidentichnosti> (дата обращения: 16.01.2023).
2. Bareyev M. Yu., Kachurina I. O. YouTube kak faktor formirovaniya protestnogo potentsiala molodezhi // Regionologiya. – 2019. – № 3 (108) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/youtube-kak-faktor-formirovaniya-protestnogo-potentsiala-molodezhi> (дата обращения: 16.01.2023).
3. Dement'yeva I. N. Protestnyye nastroyeniya zhiteley regiona kak proyavleniye destruktivnykh form grazhdanskoy aktivnosti // Society and Security Insights. – 2020. – № 2 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnye-nastroeniya-zhiteley-regiona-kak-proyavlenie-destruktivnykh-form-grazhdanskoy-aktivnosti> (дата обращения: 16.01.2023).
4. Ponomarev N. A., Belov S. I., Maylis A. A. Protivodeystviye rostu vovlechonnosti molodozhi v radikal'nyy politicheskiy protest (na materialakh massovykh vystupleniy 2017 g.) // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. – 2018. – № 67 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rostu-vovlechonnosti-molodezhi-v-radikalnyy-politicheskiy-protest-na-materialah-massovykh-vystupleniy-2017-g> (дата обращения: 16.01.2023).
5. Marshall B. The Protest Movement and the Law. Virginia Law Review. – 1965. – Vol. 51. – № 5. – P. 785–803.
6. Babayev M. M., Kruter M. S. Molodozhnaya prestupnost'. – Moskva: Yurist, 2006. – 381 s. S. 185–186.
7. Levitskiy S. A. Tragediya svobody (1958) // Tragediya svobody. Izbrannyye proizvedeniya. – Moskva: Astrel', 2008. – S. 345.
8. Savenkov R. V., Sotnikov A. I. Strategiya i taktika deystviy regional'nykh i munitsipal'nykh vlastey v period lokal'nykh aktsiy obshchestvennogo protesta (primer Voronezhskoy oblasti 2016–2018 gg.) // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. – 2019. – № 76 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-taktika-deystviy-regionalnykh-i-munitsipalnykh-vlastey-v-period-lokalnykh-aktsiy-obshchestvennogo-protesta-primer-voronezhskoy> (дата обращения: 16.01.2023).
9. Rozhkova Ye. Daleko ne shkolota. Sotsiologi o portrete i motivatsii vyshedshikh na protestnyye aktsii rossiyan [Elektronnyy resurs] // Kommersant.ru: sayt. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 03.04.2022).
10. Il'in I. S. Teoreticheskiye osnovy kriminologicheskogo analiza i preduprezhdeniya demonstrativno-protestnoy prestupnosti. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu Izdatel'stvo «Yuniti-Dana», 2022. – 208 s.
11. Petrosyants D. V., Yushkov I. V. Analiz-prognoz vozmozhnoy dinamiki sotsial'no-politicheskikh predpochteniy rossiyskoy studencheskoy molodozhi v 2018–2024 gg // RPPE. – 2018. – № 11 (97) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prognoz-vozmozhnoy-dinamiki-sotsialno-politicheskikh-predpochteniy-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-v-2018-2024-gg> (дата обращения: 16.01.2023).
12. Nazarov M. M. Politicheskiy protest: opyt empiricheskogo analiza // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1995. – № 1. – S. 47–59. 54 s.
13. Guseynov A. Sh. Negativnyy potentsial protesta: psikhologicheskii analiz // Armiya i obshchestvo: Nauchno-informatsionnyy zhurnal. – 2013. – № 1 (33). – S. 169–175.
14. Chebotareva I. V., Mrochko L. V., Pirogova L. I. Prichiny i osobennosti protestnykh nastroyeniy v molodezhnoy srede // ESGI. – 2019. – № 3 (23) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-osobennosti-protestnykh-nastroyeniy-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 16.01.2023).
15. Yudina T. N., Mazayev Yu. N., Bormotova T. M., Zhukov P. S. Sostoyaniye i dinamika protestnoy aktivnosti v sovremennom rossiyskom obshchestve // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. – 2020. – № 1 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-dinamika-protestnoy-aktivnosti-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 16.01.2023).

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted October 25, 2022; approved after reviewing November 15, 2022; accepted for publication January 23, 2023.